

Отзыв о романе Владислава Крапивина «Острова и капитаны» (12+)

*Рецензии на прочитанные книги
из библиотеки [«Кузнецкая»](#).*

*Автор рецензии: З. Кривоусова,
февраль 2024 г.*

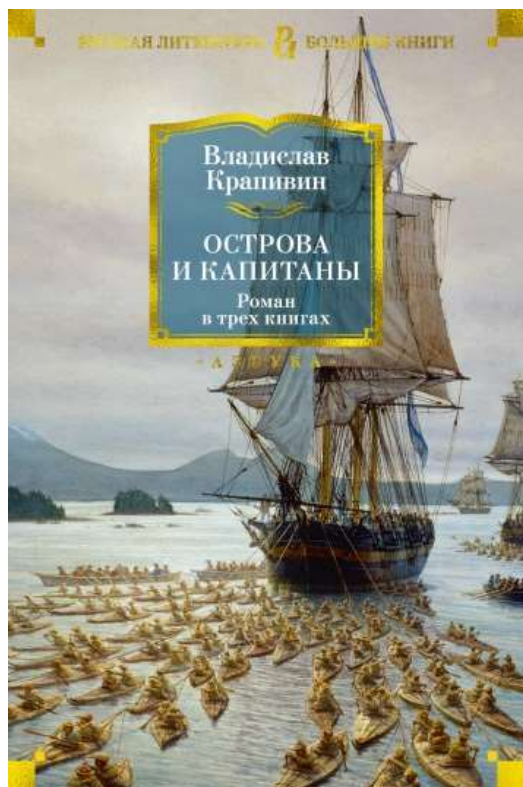
Роман **Владислава Крапивина «Острова и капитаны»: роман в трех книгах** (СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023) я прочитала впервые, хотя он не нов, датирован 1984–1987 годами и уже публиковался. Мне же досталось новое издание: все три книги под одной обложкой.

Это настоящий роман, вполне оправданно выпущенный в серии «Большие книги». И в самом деле, он во всех отношениях – *большой*: и по объему (860 страниц чистого текста), и по охвату исторического времени, и по населенности персонажами, и по сложной и стройной сюжетно-композиционной организации, и по глубине авторской мысли, вложенных в текст.

В грамотной и не дежурной аннотации к книге есть хорошие слова, о том, что «*Владислав Крапивин – писатель для всех возрастов*» [с. 862]. Это совершенная правда; и я думаю, что роман с интересом прочитают *не только подростки и старшеклассники, но и взрослые.*

Сначала поделюсь общими впечатлениями от книги. Она захватывает внимание с первых страниц и не отпускает до последней. Подростков, конечно, заинтересуют приключения, а взрослые, надеюсь, обратят внимание и на более серьезные вещи.

Мир крапивинской прозы узнаваем. В нем бытовые детали и подробности точно характеризуют историческое время, вместе с тем подчеркивая непреходящую ценность *постоянных величин*: дружбы, любви, справедливости, чести, верности

слову, борьбе со злом во всех его проявлениях. Как и в других произведениях писателя, немалое место занимает в «Островах и капитанах» *мысль семейная*. Вообще, на мой взгляд, влияние Л. Толстого на эту книгу несомненно. Мне, например, захотелось перечитать его «Севастопольские рассказы».

Роман полон приключений, *скрещений* судеб, неожиданных поворотов событий. Одновременно он богат тем, что можно назвать *психологическими этюдами, историческими новеллами, лирическими зарисовками*. Все они служат воплощению авторской мысли о связи

прошлого и настоящего, взаимозависимости человеческих жизней, вписанных в историю страны и мира. Я бы определила лейтмотив произведения одним словом – *преемственность*. Это своеобразная эстафета дел и событий, в основе которой лежат названные выше *постоянные величины*.

А теперь позволю себе немного элементарного анализа: вдруг кто-то решит написать об этой замечательной книге творческую работу.

Каждая из трёх книг имеет заглавие и подзаголовок, логика которых становится понятна при чтении: «**Хронометр (Остров Святой Елены)**», «**Граната (Остров капитана Гая)**», «**Наследники (Путь в архипелаге)**». Каждая из них, в свою очередь, делится на три части, тоже озаглавленные.

Кроме того, книга первая открывается *Прологом* и завершается *Эпилогом*, в совокупности представляющими фрагмент повести Арсения Викторовича Курганова. Изложенная во фрагменте история кадета Егора Алабышева очень важна для понимания главной идеи романа. Судьба этого, на первый взгляд,

эпизодического персонажа, – своего рода камертон, по которому сверяются линии жизни всех остальных персонажей. *«Офицер Российского флота Егор Алабышев не написал свою книгу. У него была иная судьба. Но Крузенштерн он помнил всю жизнь. До последнего дня, до последней вспышки...»* [с. 22].

А книга третья, последняя, заканчивается *Послесловием* (о нем расскажу в свое время), посвященным дальнейшей судьбе рукописи Курганова. И, наконец, каждая из частей книг членится на разделы, также имеющие названия.

Ткань романа крепко «сшита» двумя образами-лейтмотивами: хронометра Курганова и рукописи его повести о капитане Крузенштерне и его спутниках в кругосветном путешествии, в частности, о Резанове и Головачёве. Название своей повести – **«Острова в океане»** – Курганов раскрывает в разговоре с Толиком.

Рукопись и хронометр появляются **в книге первой**, озаглавленной **«Хронометр (Остров Святой Елены)»**, и занимают центральное место не только в ней, но и в романе в целом. Главный герой этой книги – десятилетний Толик. Действие происходит в 1947–48 годах. Фабулу составляют знакомство и дружба мальчика с Арсением Викторовичем Кургановым, смерть старшего друга и утрата рукописи. В основную линию вплетается завершающаяся болезненным разрывом история дружбы с «робингудами». Два из них: Олег и Шурка, – сыграют важные роли в последующих событиях.

В книге второй – **«Граната (Остров капитана Гая)»** – мы встречаемся с повзрослевшим тридцатилетним Толиком и его племянником, подростком Мишкой по прозвищу Гай. В них участвует также Александр Яковлевич Раевский (бывший Шурка). События происходят в Севастополе летом 1967 года.

В этой книге очень важна, на мой взгляд, сцена выступления Толика перед курсантами парусника «Крузенштерн» и артистами, участвующими в съемках фильма об Александре Грине. Показателен ответ Толика на чей-то вопрос о повести Арсения Викторовича Курганова «Острова в океане». Герой выражает мысль автора о связи времён, об извлечении уроков из прошлого.

«<...> а зачем все это надо было писать: Про историю с Головачёвым, про ссоры? Какое это имеет значение?».

<...> «Зачем об этом писать?.. Зачем нам вообще детали прошлой жизни? <...> Ну, наверно, для того, чтобы знать всю правду. Чтобы знать не только что, но и как было. Какой ценой, какими путями... Наверно, для того, чтобы ошибок не повторять... Вот про последнюю войну сколько книг написано? Наверно, тысячи. Вся ли правда в этих книгах? Я помню, мы еще студентами об этом спорили. Одни кричат: «Зачем писать об ошибках? Главное, что победили, до рейхстага дошли, этим все сказано!» А другие: «А сколько времени шли! А сколько миллионов полегло! Почему сперва «шли» до Москвы, а потом уже обратно? А если снова начнётся, опять, что ли, так же будем?! Кто виноват?.. Вот и здесь, в Севастополе... Тут про каждого человека, который дрался, можно, наверно, книгу писать. Каждый был героем. Но разве не лучше было бы, если бы этих героев больше осталось в живых? Когда фашисты прижали к херсонесским обрывам, сколько погибло потому, что не продуман был план эвакуации?..» [с. 400].

И – мысль о связи людей и поколений, о включенности каждой жизни в жизнь народа и человечества: «<...> еще один ответ на вопрос «зачем все это писать». Связь с людьми ощущается – с теми, кто жил раньше. Начинаешь понимать, что твоя жизнь – это частичка общей жизни – тех, кто был до тебя, и тех, кто будет после...» [с. 402].

Показательны размышления Гая о своем Острове, который есть у каждого человека: «...Наверно, у всякого человека есть Остров. У каждого свой. У одного настоящий, у другого придуманный, но все равно он есть. У кого-то целый город, а у кого-то – просто уголок в душе или лужайка в городском сквере за непролазными кустами акации. Или прочитанная в детстве книжка. Или сказка, которую сочинил сам...

Остров – это место, где человек может быть радостен и тревожен, счастлив или несчастлив, но даже в тревогах и печали на Острове все честно и ясно. И самому хочется быть чистым душой, чтобы Остров, который ты открыл, принял тебя...» [с. 464].

Завершается книга вторая обещанием, которое дает себе Гай после гибели Толика: «И Гай станет драться. Всю жизнь. За себя и за других. Драться с

человеческими бедами и со своей виной – не зная до конца, была ли она. Драться за право изредка возвращаться на свой Остров.

Такой Остров есть у каждого, и потерять его – подобно смерти. Остров называется Детство» [с. 456].

В книге третьей – «Наследники (Путь в архипелаге)» – вновь пара центральных персонажей: выросший Гай (Михаил), которому 27 лет, и его двоюродный брат, 14-летний Егор Петров, как оказалось, сын Толика Нечаева. События происходят в 1982-1987 годах. Можно выделить, по меньшей мере, две сюжетные линии. Одна связана с работой Михаила, старшего сержанта милиции, занимающегося трудными детьми и подростками. Вторая – с жизнью Егора, его взаимоотношениями с родителями и приятелями по уличной компании.

Главное место уделяется истории возвращения утраченной повести Курганова, в которой оказывается замешанным Олег Валентинович Наклонов (Олег), важную роль играет Александр Яковлевич Раевский (Шурка), а заслуга возвращения права авторства Курганову принадлежит Егору. Он же предлагает вариант названия повести Курганова – «*Путь в архипелаге*»; и на безмолвный вопрос Михаила отвечает: «– Конечно, Крузеништерн плыл не в каком-то одном архипелаге, он по всем океанам.. Но если повесть о людях... будто каждый как остров... Тогда ведь путь от острова к острову. От человека к человеку...» [с. 718]

Егор, которому Гай передает принадлежавший Курганову, а затем Толику хронометр, размышляет над этим предметом, связавшим Арсения Викторовича Курганова, Толика, Гая и его самого: «*Был хронометр словно посредник между разными временами. Соединял сороковые годы мальчишки Толика Нечаева, шестидесятые – юнги Гая и нынешние... Чьи? Его, Егора?*

<...> Ведь хронометр связывает его, Егора, и со временем Крымской войны. Именно так кончается повесть «Острова в океане» [с. 728].

Осмысление Егором названия, которое дал Курганов своей повести, приводит его к серьезным умозаключениям, и сегодня звучащим более чем злободневно: «*Печальная мысль о великом разобщении людей затопила на короткое время все другие. В самом деле, люди – острова в океане. Миллиарды островов, громадный*

архипелаг. А пути меж островов – много ли их? Что на одном острове знают о других? О ближних знают, а о дальних?..

Дальние острова – чужие?

Не потому ли в самолете, летящем на большой высоте, человек с легким сердцем нажимает кнопку бомбосбрасывателя?

Да разве дело в высоте? Ведь бывает и вплотную друг к другу, а в кулаке нож...

А может, загадка времени и загадка разобщённости – одна и та же?

А ключ – где?» [с. 825].

В *Послесловии* к заключительной книге романа Егор рассказывает редактору ленинградского журнала историю повести Курганова и упоминает о родственниках Курганова: умершей дочери, погибшем в Афганистане его сыне и оставшихся жене и сыне погибшего, правнуке Курганова. Встречей с пятиклассником Костиком Бессоновым, с которым Егор переписывался, и передачей новому наследнику хронометра Курганова, вроде бы, и завершаются события.

Но это не совсем так. Есть еще одна линия преемственности: наследование, продолжение творческого пути, – написанная Егором «Баллада», в которой появляется образ хронометра. Размышления редактора журнала «*об оси времени, которая проходит через вселенную, через каждого из нас и через старенький, но исправно тикающий хронометр. Ось – пряма. Как чистый характер, как честная судьба*» [с. 859], – подводят черту, ставят точку над *i*. И как подтверждение этому – решение Егора.

Конечно, я лишь наметила некоторые пути анализа романа Владислава Крапивина, материал которого даёт широкие возможности для литературоведческих изысканий.